

Н. Н. Селезнев

**«ИБО ИХ ПИСАНИЕ ПОВЕЛЕВАЕТ...»: ЧЕТВЕРТАЯ БЕСЕДА ИЛИИ,
МИТРОПОЛИТА НИСИВИНА, И ВЕЗИРА АБУ-Л-КАСИМА АЛ-МАГРИБИ**

Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, 125993, Москва, ГСП-3, Миусская площадь, 6, к. 1

«Книга собеседований» (*Kitāb al-madžālis*) Илии Нисивинского представляет собой примечательный памятник арабо-христианской письменности XI в., по сей день ожидающий своего полного критического издания. Его содержание составляет литературно обработанную запись бесед митрополита Илии (975–1046) с его мусульманским собеседником, везиром Абū-л-Қасимом ал-Хусайном ибн ‘Алй ал-Мағрибй (981–1027). Это произведение свидетельствует об интеллектуальных связях между представителями разных религиозных традиций средневековой арабской культуры эпохи ее расцвета и о характере христианской письменности в сиро-месопотамском регионе этого времени. В настоящей публикации представлен аналитический обзор указанного письменного памятника, источниковедческий разбор четвертого собеседования и его русский перевод. При работе над статьей и переводом были использованы рукописи Берлинского и Алеппского собраний. Библиогр. 18 назв.

Ключевые слова: христианский Восток, восточное христианство, исламо-христианский диалог, арабо-христианская литература, восточно-христианская письменность, Церковь Востока, несторианство, несториане, Хунайн ибн Исхак, арабский язык, сирийский язык.

**“FOR THEIR SCRIPTURES COMMAND...”: THE FOURTH CONVERSATION BETWEEN ELIAS,
METROPOLITAN OF NISIBIS, AND WAZIR ABU ’L-QASIM AL-MAGHRIBI**

N. N. Seleznyov

Russian State University for the Humanities, 6, korp. 1, Miusskaya pl., 125993, GSP-3, Moscow, Russian Federation

The Book of Sessions (Kitāb al-majālis) of Elias of Nisibis is a remarkable example of the Arab-Christian literature of the 11th century CE, which is still awaiting its full critical edition. The book is an account of the discussions between Metropolitan Elias (975–1046) and his Muslim *vis-à-vis* — wazir Abū ’l-Qāsim al-Ḥusayn ibn ‘Alī al-Maghribī (981–1027). This work demonstrates the intellectual contacts between the different religious traditions of medieval Arab culture in its flourishing age as well as characteristics of the Christian literature developed in the Syro-Mesopotamian region in that epoch. This article provides a critical survey of the treatise and discusses a probable source of the fourth session which is represented in Russian translation. While working on the article and the translation, the author used manuscripts from the collections of Berlin and Aleppo. Refs 18.

Keywords: Christian Orient, Eastern Christianity, Muslim-Christian dialogue, Arab Christian literature, Eastern Christian literature, Church of the East, Nestorianism, Nestorians, Ḥunayn ibn Ishāq, Arabic, Syriac.

В настоящей публикации вниманию читателей предлагается перевод и исследование одной из глав примечательного памятника арабо-христианской письменности XI в. — «Книги собеседований» (*Kitāb al-madžālis*) Илии Нисивинского. Глава представляет собой литературно обработанную запись его беседы с мусульманским везиром Абū-л-Қасимом ал-Мағрибй. Это произведение свидетельствует об интеллектуальных связях между представителями разных религиозных традиций средневековой арабской культуры эпохи ее расцвета и о характере христианской письменности в сиро-месопотамском регионе того времени.

Илия родился в 975 г., в христианской семье интеллектуалов, принадлежавшей к Церкви Востока (именуемой ее конфессиональными оппонентами «несторианской»), в селении Шēnā (откуда его «нисба» — Бар Шēnāyā), расположенном на Тигре, ниже устья реки Малый Заб [1, р. 226]. В 994 г. он был рукоположен во священника (будущим католиком Йўҳанной V), в 1002 г. — в епископа Бет Нухадры (им же, уже в сане католика). Наставником Илии был Йўҳаннā ал-А'радж («Хромой»), упомянутый в ходе четвертого собеседования. В 1008 г. Илия был возведен на кафедру митрополита Нисивина, которую занимал до своей кончины в 1046 г. [2, I, р. 258].

Письменное наследие Илии Нисивинского обширно и многогранно. Наиболее популярными его творениями стали «Книга собеседований» и «Отгнание тревоги и уничтожитель печали» [3] (*Kitāb Даф' ал-хамм ва-музйл ал-ғамм*)¹. Помимо практической философии и апологетики (интерес к последней засвидетельствован также в «Книге доказательства правильности веры» — *Kitāb ал-бурхāн 'алā сахīх ал-ймāн* [4] — и посланиях [5, р. 733–736]), предметами изучения и творчества Илии были история (см. его «Хронографию» [6; 7] — *Мактбāнūtā д-забнē, Kitāb ал-азмина*, написанную по-сирийски и по-арабски), а также грамматика [8] и лексикография [9; 10]. Проявил он себя и в сферах церковного права [11, р. XV–XVI] и гимнографии [12].

Литературный оппонент Илии везир Абў-л-Қасим ал-Хусайн ибн 'Алї ал-Мағрибї родился в 981 г. Его семья, служившая фāтимидам, была в 1010 г. полностью вырезана по приказу неуравновешенного халифа Хāкима би-амри Ллāх. Единственный уцелевший, Абў-л-Қасим бежал, безуспешно попытавшись поднять мятеж в Палестине, откуда снова бежал, оказавшись в конечном счете в Ираке. Убежище ему предоставил эмир Диярбакыра и Маййафарикина Наср ад-Даўла Ахмад ибн Марвāн, известный своим покровительством интеллектуалам. Там Абў-л-Қасим занял пост министра (*вазїр*), на котором оставался вплоть до своей смерти в 1027 г. Он известен также как автор нескольких сочинений: о правильности речи, генеалогии и истории арабских племен и государственном управлении [2, I, р. 259; 13].

Книга собеседований

Собеседования Илии и Абў-л-Қасима имели место летом 1026 г., начавшись сразу после первой встречи митрополита и везира в Нисивине. Всего состоялось семь диалогов, последующая запись которых составила «Книгу собеседований», соответственно, из семи разделов.

Первое собеседование, посвященное разъяснению христианского исповедания единобожия и троичности, составило раздел из введения и пяти глав. Илия утверждает, что исповедание Бога «сущностью в трех ипостасях» не содержит противоречий, так как «сущность» (*джавхар*) следует понимать как «существующий Сам по Себе» (*қā'им би-нафси-хи*), а «ипостаси» (*ақāнїм*) — в том смысле, что Бог —

¹ Об этом можно судить по замечанию, которое Ҷалибā ибн Йўҳаннā (XIV в.) оставил в своем энциклопедическом труде «Книги тайн» (*Асфār ал-асрār*) [2, II, р. 124–125].

«живой жизнью и глаголящий глаголанием», и поскольку «самость Творца — не приемлющая акциденций и составности», Его Слово (глаголание) и Дух (жизнь) не акцидентальны, но сущностны. Реплику везира об антропоморфичности такой образности митрополит парирует указанием на коранические слова о «распростертых руках» (5:64/69) и «открытии голени» (68:42) Бога. Завершается эта часть разъяснением того, что христиане различают во Христе божественное (вечное, нетварное) и человеческое (возникшее, тварное). Здесь Илия говорит о том подчеркнутом различении, которое свойственно традиции Церкви Востока, им самим представленной. В контексте диалога с мусульманским собеседником эта эмфаза заметно усилена.

В ходе второго собеседования, составившего второй раздел из пяти глав, тема христологии была продолжена. Основным предметом обсуждения здесь становится концепция «вселения» (*хулӯл*) божества в человечество. Илия подчеркивает уникальность Христа, который прямо именуется Словом Божиим, в том числе в мусульманской традиции, что отличает «вселение» божества в человечество во Христе от боговдохновенности пророков. Разбирается отличие христологии Церкви Востока от христологии двух других конфессий — «мелькитов» и «яковитов». В исповедании Церкви Востока между божеством и человечеством проводится последовательное различие, поэтому для него уместна концепция «вселения», тогда как две другие конфессии акцентируют божество до такой степени («Христос есть Бог»), что концепция «вселения» для них становится неприемлемой.

Третий раздел — «О приведении доказательств единобожия христиан из Корана» — открывается признанием везира в том, что ему понравилось изложенное Илией в ходе предыдущих встреч, но затем, обратившись к Корану, он нашел, что тот «отвергает это тем, что в нем сказано: “Впали в неверие те, которые сказали: “Бог — третий из трех”, и что он представляет их [т.е. христиан] во многих местах как многобожие»² (5:73/77). Илия отвечает, что «характеристикой христиан как единобожия в Коране указывается на одно сообщество из них, а как многобожия — на другое». Первое сообщество составляют верные Церкви Востока, а также «яковиты и мелькиты», а второе — те, кто «делает вид, что они христиане, как, например, маркиониты, дайсаниты, манихеи и тритеисты <...> кто относит себя к христианству, но не имеет к нему отношения». Затем он приводит ряд мест из Корана и толкования на них мусульманских комментаторов, из которых ясно, что христиане не расцениваются как многобожники. Аргументы убедительны, и везир заявляет, что «христиане, упомянутые в Коране, не те, что христиане в это время». Илия парирует: если бы это было так, с нынешних христиан «не взымали бы налог, наложенный по Корану, который берут с христиан этого времени, а также жертвоприношения их [мусульманам] нельзя было бы вкушать и быть женатым на их дочерях», но все это имеет место.

О четвертом собеседовании читатель может составить представление на основании приведенного в Приложении перевода. Его содержание мы рассмотрим ниже.

В пятом разделе Илия излагает свое исповедание веры. Пафосом этого «кредо» является то, что оно подчеркнуто монотеистично (*муваххид*). Везир впечатлен

² Ширк — приписывание Богу «сотоварищей».

и просит митрополита изложить то же в письменном виде, что Илия впоследствии, очевидно, и сделал. На этом, как отмечено в тексте, завершилось обсуждение вероисповедных предметов. Последующие собеседования касаются вопросов культурных и философских.

Шестая беседа в основном филологическая. Ее содержание составляет сравнительное рассмотрение синтаксиса, лексикографии, каллиграфии и калама (*илм ал-каләм*). Сопоставляются арабский и сирийский языки, в пользу, разумеется, последнего. Везиру трудно возражать — что он может сказать о сирийском? Есть у Илии основания для гордости и в области логики и других наук — кто как не сирийцы передали классическое наследие арабам? Митрополит предстает здесь триумфатором.

Наконец, седьмой раздел посвящен астрологии, отношениям христиан с мусульманами и суждениям о душе. По отношению к астрологии Илия настроен скептически и критически: как наука она ненадежна, а как закон — ничто ввиду господствующего над всем Божьего промысла. Промысел, подчеркивает Илия, не лишает человека свободы, чего нельзя сказать об астрологии, навязывающей предопределенность. Отношения между христианами и мусульманами, по словам митрополита, определяются главным образом тем, что христиане признают власть мусульман, тогда как мусульмане, согласно своему законодательству, обязаны покровительствовать христианам. Повторяя аргумент третьего *маджлиса*, Илия напоминает, что христиане — сообщество, которое близко мусульманам, и разделяет их лишь отношение к провозглашению Мухаммадом своего пророческого призвания. Разговор о душе философский: душа — это субстанция (*джавхар*), как говорили философы, или акциденция (*'арад*), как считают мусульмане? Илия на стороне «философов»: душа субстанциальна, и ее субстанция превосходна по отношению к телесной.

Везир просит Илию призвать монахов молиться за него. Митрополит отвечает, что это будет значить, что молитвы будут об исполнении на везире Божьей воли. Везир отвечает: пусть это будут молитвы об «общем благе» (*ал-маслаха аш-шаймила*).

Завершается книга кратким рассказом о последующих встречах, общении, кончине везира (15 октября 1027 г.), упоминается, что Илия еще писал на затронутые и другие темы, и, наконец, сообщается, что изложение содержания собеседований получило одобрение со стороны Абӯ-л-Фараджа 'Абд Алләха ибн ат-Таййиба [14, с. 107–119], секретаря «патриаршей келии».

Четвертое собеседование

Первая часть четвертого раздела, судя по всему, представляет собой сокращенное изложение трактата знаменитого Хунайна ибн Исхāқа (809–873/7) «Как постичь истинность вероисповедания» (*Кайфиййат идрāk хақйқат ад-дийāна*) [14, с. 121–128]. О знакомстве Илии с письменным наследием Хунайна свидетельствует шестой раздел, где упоминается его имя [15, р. 372]. Трактат Хунайна «Как постичь истинность вероисповедания» известен в двух редакциях: 1) «адресованной» и более полной, в которой имеется в виду адресат — 'Али ибн Йахйā ибн ал-Мунаджжим [17, р. 686–701] — и содержится пространное введение; 2) сокращенной и «обезли-

ченной», которая вошла в состав «Свода основ религии» коптского арабоязычного автора XIII в. ал-Му'тамана ибн ал-'Ассāля [18, 6а, §. 278–283, 6б, §. 253]. Сокращенная редакция содержит введение (§ 3–4), отсутствующее в редакции, «адресованной» Ибн ал-Мунадджиму. Возможно, оно было написано Ибн ал-'Ассāлем.

Рассуждения Илии воспроизводят логику и основную аргументацию апологии Хунайна. Примечательно, что, повторяя мысль Ибн Исхāқа о том, что в числе принявших христианство были «логики и философы, более, чем целый мир, владевшие рассуждением и исследованием и превосходившие мудростью всех остальных людей» [14, с. 127], Илия добавляет, что среди исповедующих христианство были «царства разнообразные, такие как [царства] ромеев и франков, болгар, коптов, нубийцев, армян, грузин, персов, тюрков, народа Китая и других помимо них» [15, §. 268; см. ниже прим. к переводу]. Каждое из упоминаний представляет интерес. Отметим здесь лишь, что свидетельство о христианстве у болгар (*ал-булғар*; контекст сообщения позволяет утверждать, что речь идет именно о болгарях), кажется, до сих пор не было учтено в источниковедении.

В своем изложении доводов Хунайна Илия говорит о том, что христиане призваны к отказу от стремления к мирским благам, «ибо их Писание повелевает обратное этому». Оборот «ибо их Писание повелевает» он использует многократно. В поздней сокращенной версии ал-Му'тамана ибн ал-'Ассāля мы его не найдем. Не содержит его и основной текст полной версии трактата. Объяснение находится во введении, где Хунайн упоминает, что его мусульманский оппонент ссылается на «Моисея и Тору, Иисуса и Евангелие», противопоставляя им «свое Писание» [17, р. 686–690]. По всей видимости, Илия пересказывал трактат Хунайна по памяти, перенеся главную референцию введения в аргументацию основной части, и потом, при записи содержания бесед, с текстом не сверялся.

Заключительную часть рассуждений Илии в этом разделе, содержащую рассказ с упоминанием его учителя, старца-провидца Йўханны, следует рассматривать в связи с введением «Книги собеседований» [15, §. 35–44; 16; 2, VII]. В нем приводится рассказ Абў-л-Қāsима ал-Мағрибї о том, что однажды, находясь в пути, он тяжело заболел и, обессилев вследствие своей неспособности принимать пищу и даже пить, был вынужден остановиться в монастыре Мār Мārї. Там один монах предложил ему попытаться съесть немного от принесенных им гранатов, утверждая, что «он извлечет пользу от этого благословением этого места». Везир последовал его совету и очень скоро поправился. Произошедшее он расценил как «удивительное знамение», которое его «заставило думать о христианах, что они не суть неверные и многобожники». История Илии, тоже с участием монаха и тоже автобиографическая, вполне житейская и не вызывает сомнений в правдивости. Ответная реплика везира — «если сообщение правдиво...» — лишь показывает, что к рассказу митрополита о «чудесном» он изначально был настроен скептически. Возразить, однако, в итоге ему было нечего. Цель же рассказа Илии состояла, очевидно, в том, чтобы показать, что связь событий, происходящих с христианами, исполнена Божьего промысла.

Представленный ниже перевод выполнен Н. Н. Селезевым под редакцией Д. А. Морозова по изданию Л. Шейхо [15, §. 267–270] со сверкой по следующим рукописям: (1) Berlin, Staatsbibliothek — Syr. 115 (Sachau 67), XVI в., каршуни, fol. 27v–30v; (2) Berlin, Staatsbibliothek — Syr. 114 (Sachau 205), XIX в., fol. 19v/§. 37 —

fol. 21r/§. 40; (3) Aleppo, Fondation Georges et Mathilde Salem — Ar. 318 (Sbath 1131), 1737 г., fol. 15r–16v (нумерация листов восточными арабскими цифрами и коптским курсивом); (4) Aleppo, Fondation Georges et Mathilde Salem — Ar. 274 (Sbath 1080), 1863 г., fol. [66]v–[68]v³. Пагинация по изданию Л. Шейхо проставлена в тексте перевода в квадратных скобках в верхнем регистре.

Приложение

Собеседование четвертое.

Об утверждении исповедания христианства тем, что обусловлено разумом, и чудесным

В четверг, третий [день месяца] джумада II призвал меня везир посидеть, [беседуя] с ним, и я пришел к нему. Когда я оказался у него и сел, он сказал мне: «По какой причине любовь большинства людей к своей вере больше, чем их любовь к обстоятельствам и положениям [в их жизни]?».

Я сказал: «В этом [отношении] люди бывают двух видов. Одни любят свою веру по привычке и по следованию своим предкам, другие же любят свою веру по ее основательности и правильности».

Он сказал: «Из чего убеждается человек в правильности его веры?».

Я сказал: «Либо из правильности по разуму, либо из божественного чуда».

Он сказал: «А твоя любовь к своему исповеданию — любовь привычки и следования твоим предкам или любовь того, кто убедился в правильности своего исповедания?».^[268]

Я сказал: «Любовь того, кто убедился в правильности своего исповедания».

Он сказал: «А твоя убежденность в правильности твоего исповедания [происходит] с какой стороны, от разума или от божественного чуда?».

Я сказал: «От обеих вместе взятых».

Он сказал: «Как это?».

Я сказал: «Что касается того, что от разума, то [убеждение сложилось], потому что я увидел, что не переходит [человек] из исповедания в исповедание, кроме как по одной из двух причин: либо по желанию, либо по боязни. Что касается желания, то это как из-за связи, имущества, даров, дозволенности наслаждения и перехода из обстоятельств трудных в обстоятельства легкие, и подобных сим дел, к которым стремится душа. Что же касается боязни, то это подобно страху убийства и совершения [кем-то] насилия над своими женщинами, и подобных всем сим, от которых отвращается душа.

И я рассмотрел перешедших в исповедание христианства, и обнаружилось, что они не перешли в него по одному из этих двух дел, потому что призывавшими к нему были святые апостолы, которые были людьми нуждавшимися, ничего собой не представлявшими, а не обладателями благосостояний, чтобы от них давать тем, кто следует за ними. И невозможно, чтобы они были обладателями богатств, ибо их Писание повелевает отбросить богатство и мирские приобретения. Затем, они также не позволяли наслаждение, ибо Писание, которое было в их руках, повелевает отвергнуть приятность пищи и питья и оставить мир сей и все его наслаждения, так что они не перешли от тяжелого дела к легкому, ибо их Писание повелевает обратное этому. И не привели призванных в христианство страхом и мечом и [иными] устрашающими вещами, ибо их Писание повелевает скромность и перенесение тягот, благотворение врагам и благословение их, а также явление людям проповеди [пребывания] в мире с воздержанием ото всех его наслаждений. Тем, кто принял сей призыв и вошел в религию христианства, было вменено в обязанность раздать свое имущество и потерпеть от врагов своих, оставить высокое мнение о себе и не гордиться друг перед другом. И если не принимающий его противился проповедующему и сопротивлялся ему, и порывался его убить, проповедник отдавал душу свою, чтобы тот убил его, не призывая на помощь против него кого-либо из сотворенных.

³ См. перечень известных рукописей и библиографию в: [5, p. 731–732].

И когда я увидел это, а также обнаружил, что в веру христианства вошли философы греков и их мудрецы, и многие народы, и многообразные сообщества, и разные царства, такие как [царства] ромеев и франков, болгар, коптов, нубийцев, армян, грузин⁴, персов, тюрков, народа Китая, и других помимо них из народов, не по боязни, которой они бы страшились, и не желанием, которым они желали бы [что-то заиметь], я понял, что они действительно вошли в нее не иначе, как по божественному чуду, которое их привело ^[269] к нему. И это — то, из чего я сделал вывод о правильности христианства по разуму.

Что же касается того, в чем из чудесного я нашел довод в пользу его правильности, то это — многочисленные удивительные вещи, которым я был свидетелем. Тому, кто был свидетелем их, или хотя бы части их, невозможно не быть преданным любви к своей вере даже до смерти. И из того, чему я был свидетелем, — [история], произошедшая в монастыре Мар Михаила в Мосуле, где был монах, старец почтенный, по имени Йұхәннā, известный как ал-А'раджд («Хромой»), и я был из числа приближенных к нему учеников. И когда случилось мне быть в Мосуле, а он был [под управлением] Хусāма ад-Даўла и Джанāха ад-Даўла — да помилует Бог их обоих! — и был одним из них поставлен смотрителем над [городом] Абў-л-Хасан ибн Сурўр⁵ — да помилует его Бог! — вызвал меня как-то этот монах и сказал мне: «Я хочу, чтобы ты пошел к Абў-л-Хасану ибн Сурўру и передал ему от меня, чтобы он остерегался в отношении себя, пусть убежит или скроется, ибо намерение его господина обратилось против него, и я боюсь за него». Я сказал: «Слушаю и повинуюсь! Я схожу к нему ближе к вечеру и проведу у него ночь, и извещу его о том, о чем ты предостерег». И на этом я от него ушел. А когда наступило утро, он снова послал за мной. Я пришел к нему, и он мне сказал: «Знай же, что дело Абў-л-Хасана усугубилось, и если наступит полдень, а он не убежит, я боюсь за него. Сейчас же встань и поспеши [к нему], может быть, ты успеешь предостеречь его до того, как он будет схвачен. Я тотчас встал и прямо из двери его кельи поспешно направился в Мосул. И когда я прибыл в Высокий монастырь, я услышал призыв с минарета к полуденной молитве и, поторопившись, прибыл в дом Абў-л-Хасана, где обнаружил, что его в это время уже схватили и заковали. Я сразу вернулся в монастырь и сообщил монаху о том, что произошло. Он опечалился и помолился о его спасении. Когда утром следующего дня я к нему пришел, он мне сказал: «Знай же, что дело Абў-л-Хасана близко к разрешению». Спустя несколько дней его дело легко разрешилось, он был выпущен и возвращен на должность смотрителя. И я был свидетелем еще вещам удивительным, бывшим с этим монахом и другим, о которых нет времени рассказывать.

И я не привел этот рассказ, чтобы навязать принятие его везиру — охранит его Бог! — или кому-то еще из мусульман — да поддержит их Бог! — но прошу у него мнения об этом: что скажет везир о том, кто был доподлинным свидетелем сего? ^[270] Разве это не свидетельство Бога, что ему необходимо держаться исповедания, от которого [происходит то, что] он видел?».

Он сказал: «Если сообщение правдиво, нужно держаться этого исповедания».

Я сказал: «Удовлетворен этим и повинуюсь этому. Коль скоро дело обстоит так, [ясно], что моя любовь к моему исповеданию — не любовь по привычке и следованию моим предкам, но любовь того, кто удостоверился в правильности своего исповедания и по разуму, и по чуду».

Затем перешел везир к разговорам о том, что не касается религии, и закончил собеседование. Завершен четвертый раздел по воле Бога.

⁴ В издании Л. Шейхо [15, §. 268] пропущено. Чтение дано по рукописям: Berlin, Staatsbibliothek — Syr. 115 (Sachau 67), fol. 29r; Berlin, Staatsbibliothek — Syr. 114 (Sachau 205), fol. 20r/§. 38.

⁵ Примеч. Л. Шейхо: «Хусāм ад-Даўла — это ал-Муқаллад ибн ас-Сайид из сынов [племени] Уқайл, которые держали под своим контролем Ирак и ал-Джезиру. Он принял на себя назначение эмиром Мосула в 386 г. хиджры и был убит турками в 391 г.х. (996–1000 н.э.). Джанāх ад-Даўла был его везиром (министром). Что же касается Абў-л-Хасана ибн Сурўра, то мы не нашли упоминаний о нем в истории» [15, §. 269].

Литература

1. Assemanus J. S. *Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana. T. III:1. De Scriptoribus Syris Nestorianis*. Romae: Typ. Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1725. 709 p.
2. Samir S. Kh. *Foi et culture en Irak au XIe siècle: Elie de Nisibe et l'Islam*. Aldershot: Ashgate, 1996. [376] p. (Variorum.)
3. Samir S. Kh., Righi D., Pizzi P., La Spisa P., Pagnini A. (eds.) *Elia di Nisibi (975–1046), Il libro per scacciare la preoccupazione (Kitāb Daf' al-hamm)*. Vol. 1–2. Torino: Silvio Zamorani, 2007–2008. 876 p. (Patrimonio culturale arabo cristiano, 9–10.)
4. Horst L. *Des Metropoliten Elias von Nisibis Buch vom Beweis der Wahrheit des Glaubens*. Colmar: Eugen Barth, 1886. XXVIII+127 p.
5. Monferrer Sala J. P. *Elias of Nisibis* // D. Thomas, A. Mallett (eds.). *Christian-Muslim Relations: A Bibliographical History. Vol. 2 (900–1050)*. Leiden; Boston: Brill, 2010. P. 727–741.
6. Brooks E. W., Chabot I.-B. (eds.). *Eliae metropolitae Nisibeni Opus chronologicum. T. 1–2*. Romae: K. de Luigi, Parisiis: Typ. Reipublicae, 1909–1910. VII+162, 163 p. (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, 62–63, Scriptores Syri, Ser. 3, 7–8.)
7. Delaporte L.-J. *La Chronographie d'Élie Bar-Šinaya, métropolitain de Nisibe*. Paris: Honoré Champion, 1910. 409 p.
8. Gottheil R. J. H. (ed.). *A Treatise on Syriac Grammar by Mār(i) Eliā of Šōbhā*. Berlin: Wolf Peiser; London: Trübner & Co.; New-York: B. Westermann & Co., 1887. 47+71+54 p.
9. Lagarde P. de. *Praetermissorum libri duo. Kitāb at-Tarġumān fī ta'lim luġat as-suryān*. Gottingae: Sumptibus editoris, 1879. IV+252 p.
10. McCollum A. *Prolegomena to a New Edition of Eliya of Nisibis's Kitāb al-turjumān fī ta'lim luġat al-suryān* // *Journal of Semitic Studies*. 2013. No. 58:2. P. 297–322.
11. Perczel I. (ed.). *The Nomocanon of Abdisho of Nisibis: A Facsimile Edition of MS 64 from the Collection of the Church of the East in Thrissur*. Piscataway, NJ: Gorgias Press, 2005. XXIII+[216] p. (Syriac Manuscripts from Malabar, 1.)
12. Basanese L. *Le Cantiche d'Élie de Nisibe (975–1046)* // *Orientalia Christiana Periodica*. 2012. No. 78:2. P. 467–506.
13. Smoor P. *Al-Maghribī, 4* // *Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. 5*. Leiden: Brill, 1986. P. 1211:2–1212:2.
14. Селезнев Н. Н. *Pax Christiana et Pax Islamica: Из истории межконфессиональных связей на средневековом Ближнем Востоке*. М.: РГГУ, 2014. 268 с. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности РГГУ, XLV.)
15. Cheikh L. *Maġālis Īliyyā muṭrān Nišibīn* // *al-Mašriq*. 1922. No. 20. Š. 34–44, 112–122, 267–272, 366–377, 425–434.
16. Samir S. Kh. *Entretien d'Elie de Nisibe avec le vizir al-Maghribi sur l'Unité et la Trinité* // *Islamochristiana*. 1979. No. 5. P. 31–117.
17. Samir S. Kh., Nwyia P. *Une correspondance islamo-chrétienne entre Ibn al-Munaġġim, Ḥunayn ibn Ishāq et Quṣṭā ibn Lūqā*. Turnhout: Brepols, 1981. 205 p. (Patrologia orientalis 40:4.)
18. Wadi A., Pirone B. (eds.). *al-Mu'taman abū Ishāq Ibrāhīm ibn al-'Assāl. Maġmū' uṣūl ad-dīn wamaṣmū' maḥṣūl al-yaqīn. Summa dei principi della Religione*. Cairo-Jerusalem: The Franciscan Center of Christian Oriental Studies, 1998. 450+400+478+374+404+448 p. (Studia Orientalia Christiana; Monographiae, 6a–9.)

References

1. Assemanus J. S. *Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana. T. III:1. De Scriptoribus Syris Nestorianis*. Romae: Typ. Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1725. 709 p.
2. Samir S. Kh. *Foi et culture en Irak au XIe siècle: Elie de Nisibe et l'Islam*. Aldershot: Ashgate, 1996. 376 p. (Variorum.)
3. Samir S. Kh., Righi D., Pizzi P., La Spisa P., Pagnini A. (eds.) *Elia di Nisibi (975–1046), Il libro per per scacciare la preoccupazione (Kitāb Daf' al-hamm)*, vol. 1–2. Torino, Silvio Zamorani, 2007–2008. 876 p. (Patrimonio culturale arabo cristiano, 9–10.)
4. Horst L. *Des Metropoliten Elias von Nisibis Buch vom Beweis der Wahrheit des Glaubens*. Colmar: Eugen Barth, 1886. XXVIII+127 p.

5. Monferrer Sala J.P. Elias of Nisibis. Eds. D.Thomas, A.Mallett. *Christian-Muslim Relations: A Bibliographical History*, vol.2 (900–1050). Leiden, Boston, Brill, 2010, pp.727–741.
6. Brooks E.W., Chabot I.-B. (eds.). *Eliae metropolitae Nisibeni Opus chronologicum*. Vol. 1–2. Romae, K.de Luigi, Parisiis: Typ. Reipublicae, 1909–1910. VII+162, 163 p. (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, 62–63, Scriptores Syri, Ser. 3, 7–8.)
7. Delaporte L.-J. *La Chronographie d'Élie Bar-Šinaya, métropolitain de Nisibe*. Paris, Honoré Champion, 1910. 409 p.
8. Gottheil R.J.H. (ed.). *A Treatise on Syriac Grammar by Mār(i) Eliā of Šôb'hā*. Berlin, Wolf Peiser; London, Trübner & Co.; New-York, B. Westermann & Co., 1887. 47+71+54 p.
9. Lagarde P.de. *Praetermissorum libri duo. Kitāb at-Targūmān fī ta'lim luḡat as-suryān*. Gottingae, Sumptibus editoris, 1879. IV+252 p.
10. McCollum A. Prolegomena to a New Edition of Eliya of Nisibis's *Kitāb al-turjumān fī ta'lim luḡat al-suryān*. *Journal of Semitic Studies*, 2013, no. 58:2, pp. 297–322.
11. Perczel I. (ed.). *The Nomocanon of Abdisho of Nisibis: A Facsimile Edition of MS 64 from the Collection of the Church of the East in Thrissur*. Piscataway, NJ, Gorgias Press, 2005. XXIII+[216] p. (Syriac Manuscripts from Malabar, 1.)
12. Basanese L. Le Cantique d'Élie de Nisibe (975–1046). *Orientalia Christiana Periodica*, 2012, no. 78:2, pp. 467–506.
13. Smoor P. Al-Maghribī, 4. *Encyclopaedia of Islam*. New Edition, vol. 5. Leiden, Brill, 1986, pp. 1211:2–1212:2.
14. Seleznev N. *Pax Christiana et Pax Islamica: Iz istorii mezkhkonnfessional'nykh svyazei na srednevekovom Blizhnem Vostoke* [*Pax Christiana et Pax Islamica: From the history of the interreligious relations in the Middle East in the Middle Ages*], Moscow, RGGU Publ., 2014. 268 p. (In Russian)
15. Cheikho L. Maḡālīs Īliyyā muṭrān Nišibīn. *al-Mašriq*, 1922, no. 20, pp. 34–44, 112–122, 267–272, 366–377, 425–434.
16. Samir S.Kh. Entretien d'Élie de Nisibe avec le vizir al-Maghribī sur l'Unité et la Trinité. *Islamochristiana*, 1979, no. 5, pp. 31–117.
17. Samir S.Kh., Nwyia P. *Une correspondance islamo-chrétienne entre Ibn al-Munaḡḡim, Hunayn ibn Ishāq et Qusṭā ibn Lūqā*. Turnhout, Brepols, 1981. 205 p. (Patrologia orientalis 40:4.)
18. Wadi A., Pirone B. (eds.). *al-Mu'taman abū Ishāq Ibrāhīm ibn al-'Assāl. Maḡmū' uṣūl ad-dīn wa-masmū' maḡṣūl al-yaqīn. Summa dei principi della Religione*. Cairo, Jerusalem, The Franciscan Center of Christian Oriental Studies, 1998. 450+400+478+374+404+448 p. (Studia Orientalia Christiana; Monographiae, 6a–9.)

Статья поступила в редакцию 22 июня 2015 г.

Контактная информация

Селезнев Николай Николаевич — кандидат исторических наук; nns@rggu.ru
 Seleznyov Nikolai Nikolaevich — PhD; nns@rggu.ru